

Волго-Уральский регион России

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлены результаты исследовательского проекта «Ислам и политика России: многослойный и сравнительный подход» (апрель 2003 г. — март 2006 г.), который был инициирован Сейити Китагава, профессором университета Тохоку, и осуществлен при финансовой поддержке Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии.

В ходе подготовки сборника была проведена серия международных научных семинаров, причем в разных форматах: (1) в качестве сессии годовичного конгресса японского Общества исследователей России и Восточной Европы (8 октября 2004 г., университет Хоккайдо); (2) в виде собрания Общества для сравнительного исследования переходных режимов под эгидой Института общественных наук Токийского университета (13 декабря 2004 г., Токийский университет); (3) в качестве секции VII конгресса Международного совета для исследования Центральной и Восточной Европы (ICCEES) (30 июля 2005 г., Берлин) и, наконец, (4) в виде секции-«панели» Общества для исследования национальностей (ASN) (25 марта 2006 г., Колумбийский университет, Нью-Йорк). Часть этих семинаров финансировала подпрограмма японского проекта «Center of Excellence» XXI века «Создание дисциплины славяно-евразийских исследований: мезорегионы и глобализация», также поддержанная упомянутым министерством Японии.

Раскол мусульманского сообщества (уммы) России, ведущий отчет с 1992 г., сам по себе нанес большой ущерб российскому исламу. Ситуация значительно осложнилась в конце 1990-х годов, когда светские власти развернули кампанию против «религиозного экс-

тремизма». На этом фоне еще больше обострилось соперничество между базирующимся в Уфе Центральным духовным управлением мусульман России (ЦДУМР) под руководством Талгата Таджутдина и возглавляемым Равилем Гайнутдином Советом муфтиев России (СМР), который располагается в Москве. К сожалению, в этом противостоянии некоторые мусульманские лидеры попытались привлечь на свою сторону органы госбезопасности и внутренних дел вместо того, чтобы сообща бороться с так называемым ваххабизмом и сопутствующими ему негативными явлениями.

Книга выходит в свет в исторический момент, когда это противостояние уходит в небытие. В декабре 2005 г. перед лицом все усиливающейся международной антиисламской кампании исполнительный комитет Всемирного конгресса татар инициировал создание Комиссии по религиозным вопросам, в которую вошли представители обоих соперничающих мусульманских центров. После III съезда мусульман Татарстана, вновь избравшего муфтием Духовного управления мусульман Республики Татарстан (ДУМ РТ) Гусмана Исакова, 20–21 февраля 2006 г. Комиссия по религиозным вопросам собралась на свое второе заседание, в рамках которого двенадцать наиболее влиятельных муфтиев России приняли участие в неформальном чаепитии. В ходе этой встречи было единогласно решено положить конец расколу российского мусульманского сообщества или, по меньшей мере, создать общероссийский центр для координации деятельности разделенных на два лагеря муфтиятов (исключая Северо-Кавказский регион, где подобный центр уже существует и действует независимо от ЦДУМР и СМР). Кроме того, участники встречи договорились оставить споры о виновниках как раскола 1992 г., так и последующих многочисленных конфликтов¹.

Четырнадцатилетний раскол оказал влияние и на характер изучения российского ислама: большинство исследований его политической составляющей оказалось сфокусировано на борьбе между упомянутыми центральными группировками как на общероссийском,

---

¹ Интервью, проведенные нами с М. Бибарсовым, муфтием Духовного управления мусульман Саратовской области (Саратов, 23 февраля 2006 г.), Р.А. Набиевым, председателем Совета по делам религий при правительстве Татарстана, и В. Якуповым, заместителем муфтия Татарстана (Казань, 2 марта 2006 г.).

так и региональном уровнях¹. Отнюдь не отрицая значения подобных исследований, авторы настоящего сборника попытались рассмотреть проблему в более широком социально-политическом контексте, в основе которого лежит макрорегиональный подход. Урал-Поволжье при этом выбрано не случайно — это второй после Северного Кавказа российский исламский макрорегион.

Анализируя соотношение религиозной и светской политики в Приволжском федеральном округе, Наиль Мухарьямов рассматривает причины неудач попыток создания мусульманских политических партий в России, а равно происхождение, развитие, содержание и шансы на успех проектов «русского ислама» и «евроислама», предложенных светскими деятелями. В этой связи татарский исследователь выявляет осознание периферийности российского ислама в мировой умме и трудности его полноценного возрождения в давно

---

¹ См., напр.: *Малашенко А.* Исламское возрождение в современной России. М., 1998; *Yemelianova G.* New Muftis, New Russians? // Prism. Vol. 5. Issue 16 (27 August 1999); *Юнусова А.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999. С. 282–301; *Мухаметшин Р.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005. С. 131–159.

Исследование ислама в Дагестане развивается в ином русле — особое внимание специалисты обратили на салафитское движение и борьбу между братствами суфизма. См., напр.: *Кисриев Э.* Ислам и власть в Дагестане. М., 2004; *Макаров Д.* Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М., 2000; *Makarov D., Mukhametshin R.* Official and Unofficial Islam // Islam in Post-Soviet Russia: Public and Private Faces. London, New York, 2003. P. 117–164; *Matsuzato K., Ibragimov M.-R.* Islamic Politics at the Subregional Level of Dagestan: Tariqa Brotherhoods, Ethnicities, Localism and the Spiritual Board // Europe-Asia Studies. 2005. Vol. 57. № 5. P. 753–779 (сокращенная русская версия: *Мацузато К., Ибрагимов М.-Р.А.* «Исламская политика» в Дагестане на субрегиональном уровне: тарикатские братства, национальности, локализм и религиозная администрация // Многоэтничные сообщества в условиях трансформаций: опыт Дагестана. М., 2005. С. 140–177; сокращенная польская версия: *Matsuzato K., Ibragimow M.-R.* Islam w Dagestanie: Bractwa religijne, etniczosc, lokalizm i zarzad duchowy // Arcana. 2005. № 66. С. 77–91); *Ibragimov M.-R., Matsuzato K.* Alien but Loyal: Reasons for the ‘Unstable Stability’ of Dagestan, an Outpost of Slavic Eurasia // Emerging Meso-Areas in the Former Socialist Countries: Histories Revived or Improvised? Sapporo, 2005. P. 221–246 (сокращенная русская версия: *Ибрагимов М.-Р., Мацузато К.* Чужой, но лояльный: причины «нестабильной стабильности» в Дагестане // Полис. 2005. № 3. С. 102–115).

и глубоко секулярном социуме. По этим причинам политизацию ислама в Поволжье Мухарямов считает пока несостоявшейся и отложенной на неопределенный срок.

Башкортостанский социолог Рушан Галлямов отчасти оспаривает выводы своего коллеги. Его исследование основано на результатах интервьюирования нескольких десятков мусульманских лидеров Башкортостана и содержит анализ их взглядов по большому кругу вопросов: о социальном статусе современного мусульманского духовенства, о желательной форме государственной поддержки церкви, о татаро-башкирской проблеме в Башкортостане, о возможности распространения ваххабизма и суфизма в Волго-Уральском регионе и т.д. Поскольку светские власти Уфы демонстрируют нейтралитет по отношению к расколу мусульманского сообщества, почти не оказывая ему при этом финансовой поддержки, Галлямов формулирует своеобразный взгляд башкортостанских имамов на татарстанскую модель государственной опеки ислама. Он приходит к заключению, что регионализацию российского ислама и появление разных моделей его организации в значительной степени определяет сознание самого мусульманского духовенства.

Помимо большого массива свежего фактического материала, а также новых, часто нетрадиционных источников, привлекаемых авторами, их полемически заостренных оригинальных наблюдений и выводов, к достоинствам настоящего сборника возьмем на себя смелость отнести и упомянутые методические новации. Главы Арбахана Магомедова и автора этих строк предлагают пространственный подход к волжскому исламу с опорой на методiku Штейна Роккана. Как известно, этот исследователь дал анализ территориальной структуризации европейской политики и выделил три параметра — ресурсы, расстояния и пути коммуникации¹. Мацузато интересуется проблема мусульманского образования как наиболее важного ресурса в исламской политике с учетом регионального самовосприятия населения и стратегий региональных администраций. Как и Галлямов, он широко привлекает данные, почерпнутые в ходе бесед с современ-

---

¹ Подробнее о методике Роккана см.: State Formation, Nation-building, and Mass Politics in Europe: the Theory of Stein Rokkan, Based on His Collected Works / Peter Flora et al. eds. Oxford, 1999.

ными исламскими и светскими деятелями. Магомедов использует концепцию «пути коммуникации» Роккана для сравнительного исследования двух периферийных, с точки зрения исламской политики, областей — Астраханской и Ульяновской. По его мнению, религиозный экстремизм (в том числе исламский) следует рассматривать как проявление социального протеста в посткоммунистической России. Важно подчеркнуть, что задача Мацузато и Магомедова не исчерпывается чисто компаративным исследованием мусульманских регионов России. Они исходят из оценки Урало-Поволжья как единой макросистемы, местонахождение того или иного региона в рамках которой в значительной мере определяет характер и состояние его исламской политики.

Пространственный подход характерен и для других участников сборника. Не будучи прямо основаны на методике Роккана, работы Н. Мухарьямова и Р. Галлямова тем не менее выходят далеко за рамки религиоведения и фактически являются продолжением их регионалогических исследований¹. Ту же методику логично использовать и в ходе анализа взаимодействия российских мусульман с зарубежными единоверцами, разумеется, анализа непредвзятого². Но это дело будущего.

Как уже отмечалось, настоящий сборник есть результат многолетней работы коллектива авторов. Несмотря на это, каждый его участник остался верен своим научным взглядам, которые не всегда и не во всем совпадают. Так, А. Магомедов и Н. Мухарьямов очень

---

¹ См. напр.: *Mukharyamov N.M. Ethnicity and the Study of International Relations in the Post-Soviet Russia // Communist and Post-Communist Studies. 2004. Vol. 37. Issue 1. P. 97–109; Галлямов Р.Р. Политическая элита. Этничность. Гражданственность. Уфа, 2004; он же. Этносоциальная стратификация: теоретические подходы, концептуальная модель, тенденции развития. Уфа, 2004. См. также главы, написанными ими в серии: Регионы России: хроника и руководители, том 7 (Саппоро, 2000) и 8 (Саппоро, 2003) (<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicntn/tom7/contents.html>; <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicntn/tom8/contents.html>).*

² Важные шаги в этом направлении уже сделали Ш. Хантер и Д. Макаров. См.: *Hunter S.T. Islam in Russia: The Politics of Identity and Security. Armonk, 2004; Makarov D. Dagestan's Approach to the Islamic Mega-Area? The Potentials and Limits of Jihadism // Emerging Meso-Areas. P. 195–220.*

по-разному оценивают и комментируют проект «русский ислам» С. Градировского; по мнению редактора книги, А. Магомедов несколько переоценил влияние А. Омарова на религиозную жизнь Астрахани. Стремление максимально сохранить все эти и другие оттенки мнений авторов данной книги продиктованы осознанием того, что одна из причин чрезмерной политизации исследований российского ислама, от которой страдают все, кроется в субъективизме и отсутствии плюрализма.

Подводя итог, отметим, что ислам в целом и его российская версия в частности не могут быть отделены от публичной политики. Речь идет не о салафитской идее строительства шариатского государства, не о противодействии салафитам светских и духовных властей. Современные специалисты отмечают, что отождествление модернизации и секуляризации в смысле превращения веры в личное дело индивидуума даже в христианском мире — великий миф. Напротив, опыты «теологии освобождения» в Латинской Америке, движение против аборт, проведенное христианами фундаменталистами США, и роль католической церкви в ликвидации коммунистического режима в Польше свидетельствуют о том, что современное христианство все больше и больше приобретает публичный характер¹. Из этого очевиден вывод относительно ислама, по традиции еще менее склонного отделять духовные аспекты жизни от социально-политических. Иначе говоря, исследование российского ислама неминуемо становится изучением политики как таковой. Вероятно, поэтому ислам в России превратился в столь привлекательный объект исследования для политологов.

Кимитака Мацузато

доктор юридических наук,
профессор Центра славянских исследований
университета Хоккайдо,
Саппоро, 15 ноября 2006 г.

---

¹ См.: *José Casanova. Public Religions in the Modern World. Chicago, 1994.*